

Наталья Владимировна Федорова

Омский государственный педагогический университет, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии, Омск, Россия
e-mail: tashafed@mail.ru

Проблема нормы и ненормального в период упадка цивилизации

Аннотация. В статье рассматривается проблема нормы и ненормального, их трансформация в период цивилизационного упадка. Норма и ненормальное трансформируются в соответствии с особенностями данного периода, который предполагает некую имитацию жизни. Происходит мнимая рационализация и изменчивость нормы. Механизм взаимоперехода нормы и ненормального можно определить как кажущееся (мнимое) предложение.

Ключевые слова: норма, ненормальное, цивилизация, симулякр, трансформация.

Natalya V. Fedorova

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Omsk, Russia
e-mail: tashafed@mail.ru

The Problem of Norm and Abnormal During the Decline of Civilization

Abstract. The article deals with the problem of the norm and the abnormal, their transformation during the period of civilizational decline. The norm and the abnormal are transformed in accordance with the peculiarities of this period, which presupposes a kind of imitation of life. There is an imaginary rationalization and variability of the norm. The mechanism of the mutual transition of the norm and the abnormal can be defined as an apparent (imaginary) sentence.

Keywords: norm, abnormal, civilization, simulacrum, transformation.

Введение (Introduction)

Современный человек, не задумываясь, назовет себя цивилизованным, а все современные достижения науки, техники и культуры в совокупности — цивилизацией, таким образом демонстрируя разницу между собой и образом жизни человека, жившим в прежние эпохи. Л. Н. Гумилёв мыслил цивилизацию как сложную социокультурную систему, которая включает в себя все аспекты жизни общества. Согласно его теории, развитие каждой цивилизации проходит через несколько стадий, каждая из которых имеет свои особенные характеристики и по-своему важна для развития общества. Основываясь на его концепции нужно отметить, что развитие цивилизации обязательно проходит период созидательный, экспансивный, разгорание, упадок и застой [1, с. 65]. Каждый из этих периодов (или стадий) имеет как свои новации, так и свои проблемы, которые определяют переход от одной стадии к другой, а в итоге и судьбу цивилизации. Осмысление сути происходящего на этих стадиях позволяет лучше понять далекое и недавнее прошлое, осознать настоящее и осуществлять попытки прогнозировать будущее. Следует заметить, что на любой стадии развития общества существуют свои традиции, ограничения, требования, которые нормируют жизнь человека. Очевидно, что смена цивилизационного периода приводит и к смене норм,

происходит трансформация нормы и ненормального. Нам представляется особенно интересным проанализировать эту трансформацию в период упадка.

Методы (Methods)

Основными методами исследования философского аспекта трансформации нормы и ненормального в период упадка стали диалектический метод, принцип всеобщей связи и развития, позволяющие раскрыть различные аспекты нормы и ненормального. Кроме того, использовался историко-философский анализ социальных и культурных норм и герменевтический метод, служащий цели разрешения затруднений в фиксации понимания нормы и ненормального, которые получили множественные интерпретации.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

После разгорания цивилизации, по мнению Л. Н. Гумилёва, наступает период упадка и застоя. Внутренние конфликты и проблемы сказываются на развитии и росте цивилизации, которая начинает терять свою энергию и активность. Вместо новаторства и творчества цивилизация склоняется к консерватизму и сохранению устоявшегося порядка. Она теряет свою притягательность для других культур и становится более уязвимой перед внешними

воздействиями [1, с. 66]. Идеи автора концепции этногенеза оказываются созвучны описанию падения Европы О. Шпенглера [2]. Однако основной характеристикой времени упадка, как считает Л. Н. Гумилёв, является игнорирование прошлого и настоящего ради будущего. Но и будущее в восприятии людей данного периода отличается от того, которое рисовали себе герои созидательного периода. Если последние и были идеалистами, то их идеи в той или иной степени имели под собой некую реальную основу, могли быть перспективны и реализуемы. В то же время представители последнего периода чаще всего идеализируют будущее безосновательно, их идеи скорее могут называться фантазиями и мечтаниями.

Игнорирование прошлого, незнание истории или умышленное изменение ее интерпретации приводит к тому, что будущее, которое они придумывают, становится похожим на воздушный замок, сказку — красиво, но нереально. Не учитывая ошибок своих предков, они совершают подобные, которые зачастую приводят к трагическим последствиям. Герои прошлого забываются или подменяются антигероями, идеи заменяются вымыслом, и всё это становится базовым основанием для их восприятия будущего.

Настоящее мыслителей периода упадка не устраивает, оно для них неприемлемо, а потому оно ими либо критикуется, либо игнорируется. Таким образом, их реальность — фантазия. Л. Н. Гумилёв называет этот период футуристическим и утверждает, что такое положение вещей не редкость и не аномалия, а закономерность, которая в конечном итоге оказывается губительной для цивилизации вплоть до ее разрушения. Он видит два возможных варианта развития событий. В первом варианте, по его мнению, гибнут фантазеры. Во втором — они объявляют свою фантазию осуществленной и становятся как все, т. е. в некотором смысле происходит возврат к предыдущему периоду, периоду ставшей культуры [1, с. 67].

Нам представляется, что коротко охарактеризовать данный период можно словом «кажущееся» или часто используемым сейчас выражением «как бы». Как бы нормально, как бы ненормально, как бы изменения. В философии постмодерна это явление стали называть «симулякр».

С одной стороны, норма не отменена, она даже остается первичной, представление о ней сформировано, она определена, так или иначе функционирует, но не устраивает фантазеров. С другой стороны, представление о ней устарело и уже не соответствует действительности, определена она формально и на практике довольно часто нарушается или подменяется правилами.

Признавая наличие норм, их трактуют совершенно иначе, чем это было принято, иногда изменяя до полной противоположности. В судебной практике появляются прецеденты, которые либо расширяют трактовку законов, либо изменяют их смысл. В законотворчестве вносятся на рассмотрение абсурдные фантазмагоричные законопроекты, их абсолютно серьезно обсуждают на самом высоком уровне, а иногда и принимают. По сути, происходит подмена понятий: вместо нормы речь идет о ненормальном, поэтому нам представляется логичным предположить, что для данного периода характерна кажущаяся первичность нормы,

симулякр нормы. И норма, и отклонения от нее могут быть как общими для всех, так и индивидуальными, но в данном случае возможно смешение этих характеристик, и обе они окажутся далеки от реальности.

Индивидуальность, субъективация нормы и ненормального будет проявляться в заботе о человеке, абстрактном гуманизме и идеализме, которые не имеют ничего общего с реальным человеком, его нуждами и потребностями. Это забота о каком-то человеке вообще, забота ради заботы, а не ради этого самого человека. Так, большинство среди революционеров в России составляли те, кто не знал русского народа, о нуждах которого они так заботились. Для многих из них народ был некой умозрительной идеей, далекой от реальности, а потому наделялся и соответствующими характеристиками.

Аналогично обстоит дело с общественностью нормы и ненормального, которая также может иметь место в данный период. Это уже забота не об отдельном человеке, а о человечестве и его благе. Абсолютно серьезно обсуждаются вопросы абстрактные, а их решение предлагается абсурдное. Реальность начинает напоминать жанры фантастики, а ее идейные вдохновители не имеют ни опыта, ни достаточной квалификации для решения ими обозначенных проблем. Таким образом, норма и ненормальное в период упадка могут иметь как характеристику индивидуальности, так и общности, либо быть оторванными от действительности, либо ей противоречить.

Подобным образом обстоит дело и с рациональностью нормы и ненормального: в период упадка возникает симулякр рациональности. Конечно, самим фантазерам и футуристам всё представляется рациональным и логичным. Они умело доказывают это своим сторонникам, которых у них достаточно. Но их, на первый взгляд, логические доводы таковыми не являются, поскольку их построение ошибочно, а факты, взятые за основу, искажены. Как опытные фокусники, они манипулируют фактами, обстоятельствами и людьми, при этом сами искренне верят в свои идеи.

Как ни странно, к таким идеям можно отнести идеи Конфуция о «благородном муже», Аль-Фараби о «добродетельном граде», Ибн Сины о «справедливом граде» [3, с. 58]. Эти классические идеи имели последователей, которые не только пытались реализовать их, но и в отдельных случаях даже провозглашали основой государственности. Это говорит о том, что такие идеи не являются результатом склонности к фантазированию отдельного индивида, а, скорее, характеризуют время, когда фантастичность идей становится важной характеристикой общества.

Вполне можно предположить, что эта мнимая рациональность оказывается таковой еще и потому, что ее авторы, как мы уже отмечали, не учитывают исторический опыт, они его игнорируют, а иногда и целенаправленно искажают в угоду собственной концепции. Особенности настоящего периода они также отказываются принимать во внимание. В таком случае норма и ненормальное в период упадка приобретают характеристику мнимой рациональности, построенной на основе вымысла и подтасовывания фактов.

По этой же причине изменчивость нормы и ненормального, которая на наш взгляд отражает ситуацию данного

периода, становится мнимой или кажущейся. Необходимость перемен остро ощущается в период упадка. Они объективно необходимы обществу, но те изменения, которые можно наблюдать, являются таковыми далеко не всегда. Причиной может быть неготовность общества к радикальным переменам, и в таком случае их всегда можно имитировать. Процесс подменяет результат, или результат объявляется таковым без каких бы то ни было оснований. Этот процесс называется реформированием, реструктуризацией, обновлением или даже революцией, хотя он не отражает сути данных явлений и на самом деле заключается в их имитации.

На наш взгляд, возможен и такой вариант, как нововведения без обновления, т. е. возврат к чему-либо уже имевшему место в обществе, но в данный момент выдаваемому за новое существенное изменение. Это может быть не умышленная имитация или повторение «хорошо забытого старого», а искренняя уверенность в изменениях, являющаяся результатом незнания истории вопроса. И опять же это не результат ошибки или заблуждения отдельного человека, а результат мировосприятия общества периода упадка. Когда прошлое отрицается не потому, что оно плохо (хотя и положительные, и отрицательные стороны прошлого могут способствовать развитию в будущем), а потому что его не знают.

Нормы всегда способствовали организации и сохранению жизни человека, ограждали его от ненормального. Однако склонность к фантазии и резонерству периода упадка вполне может приобретать глобальные масштабы и затрагивать жизнь как отдельного индивида, так и человечества в целом. К такого рода фантазмагориям глобального масштаба можно отнести всем известную конспирологическую идею «золотого миллиарда» и различные идеи мирового господства, возвеличивания одной нации над другой. Индивидуальными можно назвать практически все религиозные течения, обещающие индивидуальное спасение, благодать или нирвану. Таких идей в истории культуры было великое множество. Но никогда не удавалось построить нового мира, разрушив старый до основания. Развитие, двигаясь по спирали, всегда вбирает в себя опыт предыдущих периодов либо как образец для подражания, либо как пример, не требующий повторений. Никогда одной нации не удавалось возвыситься над другими и обособиться от них.

Однако попытки нормировать жизнь ненормальными идеями в период упадка как нельзя актуальны, поскольку позволяют отвлечься от действительности не только их авторам, но и отвлечь от нее большие массы людей. Так как действительность не вызывает интереса и отвергается, мечты о светлом будущем подменяют реальность не только отдельным индивидом, но и большими массами людей. Так, первые христиане в ожидании обещанного им скорого второго пришествия бросали свое дело, семью, распродавали имущество и проводили время в ожидании и мечтах о райской жизни в садах Эдема. Позже идея о лучшей жизни после смерти как воздаяния за претерпеваемые боль и унижение в этой земной жизни стала основой многих религиозных направлений.

Механизмом реализации нормы и ненормального, в таком случае, на первый взгляд является предложение. Однако за фасадом такого предложения, как правило, оказывается обман, манипуляция и жесткое требование. Страх наказания, угроза смерти, потери чего-либо оказываются часто средством «убеждения» несогласных и средством «профилактики» для сомневающихся. Однако эти «средства» не присутствуют явно. Они скрыты за вполне демократичными мероприятиями. Под благовидным предлогом часто совершаются самые неблагоприятные поступки.

Так происходил захват восточных территорий европейцами под предлогом христианизации, так происходила колонизация отсталых племен и народов под предлогом окультуривания, под такими же цивилизованными предложениями происходит сейчас участие великих держав в жизни отдельных государств. Норма и ненормальное насаждаются не вполне цивилизованными способами, но представлено это как демократический выбор народа, которому обещано «светлое будущее», в которое так хочется верить. И если не жить в нём, то хотя бы жить с мечтой о нём.

Г. В. Ф. Гегель утверждает, что философия появляется лишь в определенную эпоху, имея в виду эпоху перелома. Проблема нормы и ненормального сама по себе манифестирует перемены. Она актуализируется периодически, когда в культуре дух народа освобождается от безразличного прозябания, выходит за пределы своего природного образа и переходит от своей реальной нравственности и силы жизни к рефлексированию и пониманию [4, с. 52].

Применительно к проблеме трансформации нормы и ненормального в период упадка, используя понятия меры и границы Г. В. Ф. Гегеля как методологические, мы можем рассматривать норму и ненормальное как континуум «безмерное — нормированное», а границу как «безграничное — ограниченное». На наш взгляд, характеристика меры в период упадка культуры приобретает черты безмерного с одной лишь оговоркой: безмерное периода упадка мнимое, кажущееся. Возникает симулякр безмерного. Как мы уже отмечали, прошлое отвергается, забывается и переиначивается. В настоящем критикуются все сферы жизни и деятельности человека. Всё плохо и неправильно, а значит, для светлого будущего нужно менять всё и без всякой меры.

В данном случае следует вспомнить гегелевскую аналитику чрезмерного, которое, возвеличивая, приводит к другой крайности — уменьшает и уничивает так же, как и безмерное. В подобных случаях возможны две крайности. Во-первых, восторжествует мера, и в массовой психологии фантазия признается свершившейся, а фантазеры станут обывателями. Во-вторых, возможно торжество ненормального, мир перевернется, ненормальное станет нормой во всех ее проявлениях. Ненормальное возведется в принцип, его массовость и безнаказанность приведут к гибели культуры.

Однако, на наш взгляд, симулякр безмерного только в крайнем случае может привести к катастрофе. В первом случае признание фантазии действительностью приведет к возвращению к предыдущему этапу развития цивилизации, когда посредственности и обыватели сохраняют подобие стабильности. Эта стабильность будет выдаваться за достижения периода кажущейся безмерности, кото-

рые в силу непрерывности развития так или иначе должны будут привести к переходу на следующую ступень развития. Во втором варианте мы будем иметь возможную катастрофу и гибель цивилизации только в том случае, если в обществе не найдется достаточное количество разумных героев и пассионариев, готовых ради идеи пожертвовать своей жизнью. Иначе говоря, гибели есть альтернатива в виде возврата на первый период становления. Нам представляется более вероятным первый путь, поскольку мнимость безмерного предполагает некую пассивность, т. е. мнимость действий, а значит, и больших изменений в обществе происходить не должно, инерционный сценарий встречается чаще всего.

Подобным образом дихотомия безграничного/ограниченного склонится в данный период в пользу безграничного, однако это безграничное также будет мнимым, кажущимся. По большому счету ведь безграничное всегда кажущееся, поскольку все категории в гегелевской диалектике всегда находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, а значит, и безграничное как таковое является безграничным только отчасти. В то же время, по Г. В. Ф. Гегелю, безграничное не является противоположностью ограниченного, второе является частью первого, т. е. безграничное содержит в себе ограниченное.

В таком случае ограниченное, в норме и ненормальном, расширится и станет составной частью безграничного, которое характерно для периода упадка. Фантазерам периода упадка кажется, что границы нормы расширяются, становится возможным и допустимым то, что раньше признавалось ненормальным, то, что раньше подвергалось осуждению и наказанию. Кажется, что норма и ненормальное изменяются кардинально, иногда подменяя друг друга.

На наш взгляд, кажимость в данном случае заключается в том, что границы и нормы, и ненормального если и изменяются, то формально. Это могут быть, например, изменения в законах, которые остаются изменениями только на бумаге, а в действительности не работают. Это может быть изменение в традициях, которые уже давно существуют по умолчанию либо в направлении искусства или моде. В таких случаях происходит не изменение, а их провозглашение, громко, помпезно, во всеуслышание. Таким образом, мнимая отмена ограничений, мнимое расширение границ нормы приводит к мнимой и кажущейся безграничности нормы и ненормального в период упадка культуры.

В то же время, по мнению Ф. Энгельса, источник развития объекта всегда находится в самом объекте, поэтому изменение нормы и ненормального в любой период культурогенеза есть процесс уже внутренне предопределенный. Поэтому и в период упадка норма и ненормальное развиваются определенным образом [5, с. 66]. По словам К. Маркса, не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, общественное бытие определяет их сознание. В таком случае в период упадка мы будем иметь сознание людей, соответствующее духу времени, т. е. сознание упадка. В таком случае изменения, которые согласно третьему закону диалектики должны приводить к восходящему развитию, оказываются кажущимися, мнимыми [6, с. 7].

В общепринятом смысле норма и ненормальное должны быть определенны и внеситуативны. Внешне их понимание вполне кажется определенным (присутствуют законы и правила), однако за этим фасадом скрывается множество возможностей к сиюминутным изменениям, которых требует ситуация. Практически в соответствии с мнением Ф. Ницше норма и ненормальное понимаются в контексте конкретной ситуации и конкретной личности, что, в свою очередь, означает потерю их определенности и невозможность понимания.

Это может проявляться и как попустительство по отношению к ненормальному, и как категоричность суждений о норме и ненормальном, и как личностное применение норм, и как их полное игнорирование. Идея Ф. Ницше о совершенном богочеловеке также может отражать проблему нормы и ненормального в указанный период. Ведь именно ему автор приписывает противоречивость, которая оказывается максимально заметной в ситуации четкой определенности и, на наш взгляд, мнимая определенность может усугублять эту ситуацию. Необходимость индивидуального подхода для сверхчеловека подчеркивает кажущуюся определенность нормы и ненормального периода упадка [7].

Применительно к данному периоду такие категории философии К. Ясперса, как пограничная ситуация и отчаяние, теряют свое первоначальное значение и соответствующим образом меняют понимание нормы и ненормального.

Метод просветления, который автор формулирует как «подвести к границе», в период упадка также реализуется крайне своеобразно. Противопоставление нормативности человека, его внутренних границ с принятой в обществе нормативностью в данный момент может приводить к тому, что человек начинает действовать. Его деятельность может охватывать разные стороны жизни. Это может быть политика, искусство, наука и техника. Но в любой сфере мы будем иметь одинаковый результат этой деятельности, который в большей степени характеризуется количеством, но не качеством [8].

В политике это реализуется через создание партии, участие в законотворчестве, возможно, даже в реальном управлении страной, но все достижения не имеют реальной пользы для общества, а возможно под идеей о светлом будущем скрывается утопия, способная привести к политическому кризису в стране. В искусстве это может быть большим «прорывом» в области вседозволенности. Запреты сняты, цензура отсутствует. В науке появляется множество теорий и направлений, защищаются диссертации, издаются монографии и учебники, которые никогда не будут востребованы и даже прочитаны. Технический прогресс характеризуется большим количеством новаций, которые не приводят к качественному изменению жизни. Размеры и соответственно размерам меняется качество и срок службы.

Нам представляется, что и опыт постижения другого, на необходимости которого настаивает К. Ясперс для приближения к собственной экзистенции, в данный период не будет востребован, ведь отличительной чертой данного периода является игнорирование прошлого и настоящего, следовательно, такой вариант поиска себя и своего пути как опыт другого невозможен.

Такая специфическая реализация свободы не позволяет человеку культуры упадка «пробиться» к духовному миру и основной характеристикой нормы и ненормального периода упадка культуры становится кажущаяся подлинность бытия или симулякр подлинности бытия. В жизни такого человека нет места сомнениям и разочарованиям, напротив, он уверен в себе, в выбранном им пути и еще больше он уверен в будущем, которое видится только в положительном варианте. Сиюминутное воспринимается как нечто, ради чего стоит прожить жизнь.

На сходную тенденцию указывал М. Хайдеггер, анализируя проблему специфики человеческого бытия в культуре упадка. Философ утверждает, что экзистенция не гарантирует того, что человек обретет свою сущность. Вдвойне сложнее, скорее, даже невозможно окажется обретение сущности в ситуации имитации экзистенции. Имитируя деятельность, приходится имитировать и ее достижения. Именно такими «достижениями», как правило, и наполняется период упадка.

В ситуации выбора человек в этот период предпочитает видимость бытия, и в таком случае основной характеристикой нормы и ненормального в данный период становится кажимость сущности. Есть деятель искусства, но нет в его деятельности искусства. Есть деятель науки, но нет в его деятельности науки. Есть политический деятель, но нет в его политике действий.

Жизнь по истине, о которой говорит философ-экзистенциалист, оказывается невозможной, поскольку человек действует по инерции, не преодолевая стереотипа, навязанного временем, и свое предназначение он видит в соответствии требованиям того времени, в котором живет. Его вполне устраивает эта кажимость жизни, он абсолютно искренен в своем заблуждении. М. Хайдеггер в своем описании человека характеризует именно человека упадка цивилизации, акцентируя, что «притворство и ложь составляют стихию человеческого существования» [9, с. 33]. Именно поэтому кажущуюся сущность воспринимают как истинную вполне серьезно и находят аргументы для ее обоснования.

Человек с кажущейся сущностью становится практически героем своего времени или его символом. Он уверен в себе, востребован, уважаем, знаменит, он становится кумиром молодежи и образцом для подражания. На наш взгляд, эвристичной в данном случае оказывается позиция французских философов-экзистенциалистов. Так, философия Ж.-П. Сартра дополняет норму и ненормальное периода упадка феноменом кажущейся свободы. В определенном смысле свобода присутствует как свобода от морали, предрассудков, сомнений и других подобных феноменов, которые усложняют жизнь человека, вызывают у него негативные эмоции. Однако именно такие эмоции необходимы для экзистенции. Но в нашем случае речь идет не об истинной свободе, а о кажущейся. Свобода в пределах дозволенного, в котором ограничение свободы не замечается.

Нормой провозглашается новая свобода. Свобода, позволяющая существовать, но существовать в сытости, радости, удовольствии, избегая отрицательных эмоций. А будущее существование представляется еще более прекрасным. Ж.-П. Сартр такую свободу называет бегством

от мира. И действительно, человек бежит от пугающей его реальности, стараясь не просто не замечать ее, а убедить себя в том, что он от нее свободен. Именно в духе отчуждения сознания от реальности трактуются автором и образы воображения, которые могут уводить человека в нереальный мир [10].

Нормой становится этот нереальный мир, мир фантазий и грез, за которым прячется человек в период упадка, позволяющий ему существовать в мире кажущейся свободы. Утверждение философа о необходимости борьбы за обретение свободы может быть реализовано в псевдоборьбе. Наличный уровень свободы допускает псевдоборьбу. Это могут быть политические баталии сторонников разных партий, борьба деятелей культуры с цензурой, противостояние квазиученых своим идейным оппонентам. Другими словами, псевдоборьба за кажущуюся свободу. Именно так будут реализовываться непримиримые отношения человека с миром и самим собой, а мир при этом в соответствии с позицией Ж.-П. Сартра будет оставаться бесцветным, аморфным, неподлинным.

Понимая свободу как свободу выбора, А. Камю утверждает, что человек всегда свободен. Вопрос только, как человек распорядится этой возможностью сделать выбор. В период упадка нормальной оказывается специфическая реализация данного ему права.

Эта свобода реализуется в возможности менять историю, которая выглядит как подмена и извращение фактов в угоду времени или выгоде. Таким образом, меняется прошлое. Эта свобода реализуется в критике настоящего, где наряду с объективной критикой может иметь место критика популистская, которая приносит известность тем, кто критикует, но не приносит пользы делу. Таким образом, отрицается настоящее. Эта свобода реализуется в построении фантазмагорий о будущем, которая уводит людей от реальности. Таким образом, провозглашается будущее, которого не будет. Тем не менее человек «реализует свою свободу» и с этой точки зрения нормальным в период упадка становится кажущееся беспокойствие, кажущаяся борьба.

В данном случае мы имеем еще один вариант развития событий, который не предусмотрел А. Камю, но который с большой долей вероятности возможен в период упадка. Человек живет в своем времени, приспособившись к норме этого времени, и в то же время делает вид, что возвысился над ним. Мир перевернулся, реальность стала подменяться кажимостью. Всё подделка, имитация, и за этим уже не видно реальности, а сама реальность теперь вынуждена оправдываться и доказывать, что она есть. Граница между реальностью и кажимостью стерта, но бунта не будет, или же он тоже будет псевдобунтом и не сможет преобразить эту жизнь [11, с. 137], это будет бунт ради бунта, с мнимой благородной целью. Вопреки мнению А. Камю, полагававшего, что жить означает исследовать абсурд [11, с. 126], в период упадка культуры человек выбирает жизнь в абсурде.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, мы можем констатировать, что нормальное и ненормальное претерпевают в период цивилизационного упадка существенные изменения: на первый план

выходят симулякры, и норма только кажется первичной, то, что еще недавно было нормой, с легкостью становится ненормальным, норма становится индивидуальной и ситуативной, происходит ее мнимая рационализация и изме-

няемость. Взаимопереход нормы и ненормального можно определить как кажущееся (мнимое) предложение. Норма только кажется безмерной и безграничной, содержащей возможность сделать человека «свободным».

Библиографический список

1. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб. : Кристалл, 2001. 640 с.
2. Шпенглер О. Закат Европы / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Новосибирск : Наука, 1993. 592 с.
3. Аблеев С. Р. История мировой философии : учеб. М. : АСТ : Астрель, 2005. 414 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Соч. Партийное издательство. Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Т. 9, кн. 1: Лекции по истории философии. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1932. 313 с.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М. : Политиздат. С. 66–77.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 : Процесс производства капитала. М. : Политиздат, 1983. Кн. 1. 905 с.
7. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов / под. ред. А. А. Яковлева. М. : Политиздат, 1990. С. 17–93.
8. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / пер. с нем. А. К. Судакова. М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2012. 448 с.
9. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. с нем. Томск : Водолей, 1998. 384 с.
10. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / сост. А. А. Яковлева. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.
11. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М. : Политиздат, 1990. 415 с.